

М. А. ГРЕМЯЦКИЙ

РАЗГАДКА ОДНОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ТАЙНЫ

Прошло уже более сорока лет с тех пор, как 18 декабря 1912 г. в конференц-зале Лондонского геологического общества собрались крупнейшие антропологи, археологи и геологи Англии на историческое, как им казалось, заседание. Их привлекла сюда удивительная находка первобытного человека; каждому хотелось услышать из первых уст сообщение об открытии «недостающего звена» между обезьяной и человеком, о находке, интересной самой по себе и льстящей национальному самолюбию англичан. Могло ли до этого придти кому-нибудь в голову, что недалеко от Лондона, в графстве Сэссекс лежали в земле еще не истлевшие остатки древнейшего представителя человечества, наполовину человека, наполовину обезьяны? И вот вокруг этих остатков собрались антропологи и анатомы с мировыми именами. Но странное дело — чем внимательнее они всматриваются в эти кости, тем более поражает их неожиданное, непонятное сходство формы и всех деталей строения этих костей с современными. Единственное, что отличает эти древние кости, это бурая окраска, обязанная, очевидно, присутствию в почве солей железа, да большая толщина костей. Но рядом с костями мозговой коробки собравшиеся замечают легкого вида, совсем не массивную нижнюю челюсть, индентную там же, и вовсе не похожую на современную. Эта ископаемая челюсть обнаруживала поразительное сходство с челюстью человекообразной обезьяны, например, шимпанзе. И словно для того, чтобы резче подчеркнуть контраст между черепом и нижней челюстью, докладчик Смит Вудвард демонстрировал свою попытку реконструкции всей костной основы головы «пильтдаунского человека». В этой реконструкции вполне развитая, вполне человеческая мозговая коробка была соединена с обезьяньим жевательным аппаратом. Пусть этот «первый англичанин», как назвал Смит Вудвард «пильтдаунского человека», питался, как обезьяна, но он уже мыслил, как человек. Да и мог ли он питаться иначе? Его орудия труда были жалки и почти не отличались от необработанных камней. Неподалеку были выставлены найденные вместе с костями человека «каменные орудия», лишенные определенной формы и едва ли обработанные рукой человека.

Внимание геологов привлекли выставленные здесь же остатки фауны: бугорок зуба мастодонта, обитавшего в Англии в миоцене, два куска моляра стегодонта — слона, в изобилии встречающегося в плиоцене Индии, но до тех пор в Западной Европе не найденного. Среди остатков этой древней тропической фауны чуждыми казались два зуба бобра — грызуна, появившегося в Англии не раньше плейстоцена. Словом, фауна, сопровождавшая кости человека, представляла, подобно им, целый узел загадок, развязать который казалось почти невозможным.

Из двух выступивших докладчиков один был палеонтолог Британского музея Смит Вудвард, другой — адвокат Даусон, автор находки, большой любитель древностей и страстный коллекционер.

Подробно рассказав историю находки, Даусон в заключение заявил, что древность «пильтдаунского человека» восходит к плиоцену. Вудвард оказался много осторожнее. Он считал, что найденный Даусоном череп — одного возраста с гейдельбергской челюстью, т. е. относится к первой половине плейстоцена. Наличие же остатков плиоценовой и миоценовой фауны Вудвард объяснил тем, что они были вымыты водой из мест своего первоначального залегания и занесены потоком в пильтдаунскую яму.

Выступавшие в прениях ученые тоже разделились на два лагеря: большинство склонялось к мнению Вудварда, некоторые же взяли под защиту предположение Даусона о плиоценовом возрасте находки. Такого мнения держался, например, Ньютон, открывший в 1896 г. галлей-хиллский скелет.

Нашлись и скептики. Их одинокие голоса звучали неуверенно. Видный зоолог Рэй Ланкастер, вспомнив свое классическое образование, процитировал Горация: «Если бы к человеческой голове скульптор приделал лошадиную шею, укрепив ее на красивом женском торсе, переходящем в рыбий хвост, и украсил бы свое произведение разноцветными перьями, разве могли бы вы, друзья, удержаться от смеха, рассматривая такое творение?». В реконструкции Вудварда Рэй Ланкастер увидел противоестественное сочетание органически несоединимых вещей. Однако его мнение не было выражено в печати.

Таким образом, противоречивость суждений относительно этой находки проявилась уже при первом знакомстве с ней. Она резко увеличилась, когда Вудвард и Даусон опубликовали свою работу¹. Разгорелись горячие споры, и вскоре выросла большая литература о «пильтдаунском человеке». Со всех сторон указывали на крайнюю фрагментарность сохранившихся обломков черепа (куски лобной, теменной, затылочной и височной костей), которые большей частью не приходились один к другому и были совершенно недостаточны для научной реконструкции всего черепа и особенно для определения его емкости (с целью узнать размеры мозга). Вудвард на основе своей реконструкции определил ее в 1250 куб. см. Эта цифра тоже сильно оспаривалась. Далее подчеркивали смешанный и неподдающийся трактовке характер сопровождающей фауны, а также неопределенность формы камней, принимаемых за орудия. Не помогло делу и появившееся в 1915 г. сообщение Даусона и Вудварда о находке в 1914 г. «костяного орудия», представляющего собой кусок кости цилиндрической формы в 41 см длиной и около 10 см толщиной с заостренным (якобы руками человека) концом. Материалом для этого орудия, видимо, служила бедренная кость крупного хоботного.

Но больше всего сомнений вызывала принадлежность нижней челюсти данному черепу. За период с 1915 до 1917 г. Геррит Миллер, тщательно изучив весь относящийся к пильтдаунской находке материал, в ряде статей убедительно доказывал, что нижняя челюсть не принадлежит черепу, а является челюстью ископаемой человекообразной обезьяны, близкой к шимпанзе. Он предложил назвать эту обезьяну *Rap vetus*, т. е. «древний шимпанзе».

Академик Д. Н. Анучин (в личной беседе с автором этой статьи) говорил, что и гипотеза Геррит Миллера не разрешает трудностей, так как существование в Англии в плейстоценовое время шимпанзе совершенно невероятно. Предложение Вудварда назвать новую форму «эоантроп Даусона» (*Eoanthropus dawsoni*), т. е. представителем «зари человечества», и заодно увековечить имя Даусона тоже вызвало немало возражений. В общем же английские ученые более или менее поддерживали Вудварда, тогда как на континенте и в Америке преобладали скептические высказывания.

Место находки привлекло ученых из-за границы. Французский археолог Тейяр-де-Шарден, посетивший Пильтдаун вместе с Даусоном, порывшись в яме, нашел темно окрашенный клык, подходящий к нижней челюсти.

Совершенно неожиданно состояние вопроса резко изменилось. В 1917 г. появляется статья Вудварда «On a second skull from Piltown gravel»² о новых пильтдаунских находках. Оказывается, в двух милях от знаменитой ямы, где были отысканы фрагменты первого черепа, на вспаханном поле, в куче собранных граблями камней Даусон нашел два куска черепа и коренной зуб. Эти вещи имели ту же шоколадную окраску, что и кости «пильтдаунского человека», и содержали железо. Один из этих фрагментов был обломком правой части лобной кости; другой — небольшим куском, на котором хорошо сохранился наружный затылочный выступ. Так как от первой находки тоже остался кусок соответствующего места затылочной кости, то стало ясно, что вновь найденные куски принадлежат другому черепу. Каков же был этот второй череп? По Вудварду, он был того же типа, что и первый. На это указывала значительная толщина лобного фрагмента. Впрочем, кусок затылочной кости второй находки оказался несколько тоньше, чем первой. Значит, заключал Вудвард, «пильтдаунский череп» не был одиночной, изолированной находкой. Скептики, хотевшие объяснять толщину его костей патологией, должны умолкнуть. Но это еще не все: кроме кусков черепа, найден был коренной зуб. Он был точной копией (вернее, зеркальным изображением, так как принадлежал другой стороне) коренных зубов пильтдаунской челюсти. Понятно, какой шум возник вокруг «второго пильтдауна». Казалось бы, противники Вудварда были окончательно посрамлены. Слова оказалась налицо эта же якобы «протистественная» комбинация мозговой коробки современного типа с челюстью, представленной, правда, одним зубом, но, очевидно, такой же обезьяноподобной, как и челюсть первого черепа. Ведь этот зуб, как две капли воды похожий на зубы первой челюсти, только и мог расти в подобной же челюсти. Стало быть, наличием этого зуба при второй находке решался самый трудный вопрос: второй череп имел такую же челюсть, как и первый. Иное предположение было немыслимо. Возможно ли в самом деле, чтобы такая редкая, почти невероятная комбинация, как находка древнего человеческого черепа и рядом с ним челюсти ископаемой человекообразной обезьяны, вскоре повторилась снова и притом не далее, как в двух милях от первой находки? Невероятность подобного совпадения граничит с полной невозможностью.

И все же праздник в лагере сторонников «эоантропа» был омрачен. В этой истории оказалось одно уязвимое место. Дело в том, что в 1917 г., когда появилась статья Вудварда, Даусона уже не было в живых. Описываемые Вудвардом фрагменты черепа и коренной зуб он взял из вещей Даусона. Никакой сопровождающей эти вещи этикетки или записки Даусон не оставил. По словам Вудварда, Даусон как-то в разговоре

¹ Ch. Dawson and A. Smith Woodward, On the discovery of a palaeolithic skull and mandible in a flint-bearing gravel at Piltown, «Quart. Journ. Geol. Soc.», v. 69, 1913, стр. 117—151.

² «Quart. Journ. Geol. Soc.», v. 73, 1917.

сказал ему, что нашел два фрагмента и зуб в куче камней. Но, если даже память не сыграла с Вудвардом злой шутки и он не принял желаемое за действительное, все-таки возникла коварный вопрос: какие грабли могли захватить зуб и стрести его вместе с камнями и фрагментами черепа в кучу? Сторонники «эоантропа» этот вопрос обходили, делая вид, что с историей второй находки все обстоит благополучно. Они писали с такой уверенностью, так беззащитно, что вынуждали читателей полное доверие к своим словам. Скептические голоса постепенно стали умолкать, критики становились горячими адептами «эоантропа». Таким был, например, Ганс Вейнерт³, который сперва сильно сомневался, а затем уверовал и раскаялся.

Протекли четыре десятилетия. И вот с ясного, казалось бы, неба неожиданно грянул гром. Оказалось, что «знаменитая» находка представляет собой подделку. Произведенный специалистами анализ костных остатков обнаружил несомненную одновременность черепной крышки и нижней челюсти. Последняя была окрашена двухромовокислым калием с целью придать ей внешний облик кости большой древности. Перед нами беспрецедентный в истории науки случай грубой фальсификации.

В конце ноября 1953 г. вся лондонская пресса запестрела сенсационными заголовками: «Величайшая мистификация в истории науки», «Одуроченный автор находки», «Кто подделал нижнюю челюсть?», «Возможно ли?» и т. д. Такие издания, как «Sunday Times» и «Daily Worker», помещают специальные статьи о пилтдаунской находке. Первая из названных газет, ссылаясь на «Bulletin of British Museum»⁴, пишет: «Открывший пилтдаунский череп ученый стал жертвой одного из наиболее ловких обманов в истории палеонтологических открытий. Геолог Марстон, открывший сванскомбский череп в 1933 г., высказываясь по поводу названного сообщения в «Бюллетенях», заявил, что Даусон был «дотошным и честным в своих геологических описаниях». Сообщение Британского музея, продолжает газета, говорит теперь о нижней челюсти и клыке, связываемыми с черепом, как о преднамеренной подделке (deliberate fakes)». Но, указывает автор сообщения, подделка была такой ловкой и выполнение обмана настолько бесспорным и необъяснимым, что не имеет параллели в истории науки.

«Необходимо подчеркнуть, — продолжает газета, — что череп (первый) должен пока (still) рассматриваться, как истинное ископаемое (верхнего плейстоцена, современный тип)».

Репортер газеты посетил городок Льюис (Lewes), где когда-то жил Даусон, и интервьюировал там престарелого клерка, служившего в адвокатской конторе, одним из хозяев которой был Даусон. Клерк вспомнил, что однажды, около 40 лет назад Даусон, придя в контору, говорил, что ему удалось найти череп, часть нижней челюсти которого была потеряна, и что он реконструировал ее из пластилина. Понятно, что сообщение клерка не проливает света на историю подделки.

Ведущий английский журнал по естествознанию «Nature» откликнулся на это событие в сверх-академических тонах, признав, конечно, что «нижняя челюсть и клык были искусственно окрашены» и что исключение этой челюсти из числа остатков ископаемых «разъясняет проблему предков человека»⁵.

Газета «Daily worker» от 23 ноября 1953 г. пишет: «Загадка была решена учеными из Оксфорда и Британского музея. Пользуясь новыми техническими средствами, они нашли, что черепная крышка действительно принадлежит первобытному человеку, древностью около 50 000 лет. Но нижняя челюсть — это челюсть современного шимпанзе, которая сознательно подделана, чтобы быть похожей на ископаемую».

В другой статье, озаглавленной «Мистификация», та же газета пишет: «Доктор К. П. Окли, один из трех ученых, разоблачивших пилтдаунскую подделку, вчера сказал, что прогресс научных методов исследования сделал возможным изучение объектов с той стороны, которая оставалась скрытой. Некоторые другие ученые вчера выразили сомнение в том, что подделку осуществил Даусон». Однако в следующем номере той же газеты (от 24 ноября 1953 г.) в статье «Поддельная челюсть» мы читаем: «Кто подделал челюсть и зубы пилтдаунского человека, который вводил в заблуждение ученых в течение 41 года? На основании улики большая часть судей признали бы виновность Даусона, в честь которого пилтдаунский человек был назван «эоантропом Даусона». Ведь, оказывается, Даусон признался Вудварду, что он клал куски черепа (первого) в двухромовокислый калий. На 54 странице книги Вудварда «Древнейший англичанин» («The Earliest Englishman») говорится: «Окраска фрагментов, которые были открыты первыми, была несколько (a little) изменена Даусоном, опускавшим их в раствор двухромовокислого калия, ошибочно считая, что это может придать им твердость».

Нижняя челюсть, которая, как теперь обнаружено, представляет собой челюсть современной обезьяны, была открыта позднее, в присутствии Вудварда, который едва ли мог допустить, чтоб ее обрабатывали двухромовокислым калием. И однако, согласно произведенным анализам, ученые, обнаружившие подделку, установили, что и нижняя челюсть была обработана таким же образом. О ком же с наибольшей вероятностью можно думать, как не о Даусоне, что он окрасил ее и подложил, раз он вообще изменял двухромовокислый калий по отношению к черепу?

³ Г. Вейнерт. Происхождение человечества, М., 1933, стр. 206 и др.

⁴ Bulletin of British Museum, 2, № 3, 1953. Weiner, Oakley and Le Gros Clark.

⁵ «Nature», v. 172, № 4387, 28/XI 1953, стр. 981.

Почему же двухромокислый калий? Потому что фальшивка должна была быть найдена в отложениях, содержащих окислы железа, двухромокислый же калий является веществом, способным быстро окрашивать кость так, как она окрашивается в течение многих лет солями железа. Исследование на содержание органических веществ в этих костях вполне подтверждает данные анализа на фтор: в черепной крышке первого пильтдауна органического вещества немного, в нижней челюсти и в костях второго пильтдауна его столько же, как и в современных костях.

В цитируемой выше статье читаем далее: «Не только челюсть и зубы пильтдауна I подделка. Куски черепа и зуб, относимые к пильтдауну II, тоже, как доказано, — подделка. Они тоже были «открыты», вернее, подброшены Даусоном».

Итак, оказывается, что только черепные кости первого пильтдауна действительно обладают относительной древностью и являются ископаемыми. Все остальное — современного происхождения и искусственно подделано так, чтобы походить на кости первого объекта. Зуб, относимый ко второму пильтдауну, также обнаруживает следы искусственной обработки (он, как показало наблюдение его в микроскоп, был подточен).

В заключительной статье «Возможно ли?» (от 24 ноября 1953 г.) газета пишет: «Бедный старый пильтдаунский человек оказался обманом, результатом ловкой и наглой подделки, выполненной каким-то мошенником царствования Эдуарда. Лишь первый череп представляет «чистое вино» древностью в 50 000 лет, почти такое же первобытное и фоссилизованное, как любой современный захолустный консерватор. Но челюсть принадлежала современному шимпанзе, была только «обработана», чтобы приобрести сходство с истинно древней вещью.

Кто бы ни был автором подделки, он наверняка заслужил бессмертие. Ведь не всякая фальшивка удостоится чести храниться в сейфах Британского музея. Успехи современной науки погубили ее. Новые методы исследования древних костей позволяют открыть в них больше, чем было доступно для науки 40 лет назад. Почему бы не применить их к исследованию фальшивого письма, использованного консерваторами, чтобы свалить лейбористское правительство в 1924 году?

После раскрытия пильтдаунской тайны для науки было бы детской игрушкой обнаружить, какой Даусон из консервативной партии сфабриковал знаменитый документ!».

* * *

Среди советских ученых всегда господствовало резко скептическое отношение к пильтдаунской находке. В своих лекциях о происхождении человека автор этих строк всегда подчеркивал обескураживающий характер нижней челюсти «пильтдауна» и невозможность соединения ее с черепом. В кратком курсе антропологии (1941) о ней сказано всего несколько слов. В научно-популярных брошюрах о происхождении человека (М. А. Гремяцкого, М. С. Плиссского и других) эта находка вовсе не упоминается. В Музее антропологии МГУ муляжи «пильтдаунского черепа» никогда не выставлялись. Это критическое отношение советских исследователей к пильтдаунской находке теперь блестяще оправдалось. Напомним, что проф. В. К. Никольский отрицал подлинность этой находки за много лет до раскрытия всей махинации. В своей статье «Произошел ли человек от обезьяны?», В. К. Никольский писал, что «в Пильтдауне вовсе не открывали эоантропа — нового вида ископаемых людей. Эоантроп оказался существом, искусственно составленным»⁶. В статье В. П. Якимова «Ранние стадии антропогенеза» читаем: «Становится вполне возможным с точки зрения подобных «теоретиков» (речь идет о реакционном направлении в учении об эволюции человека. — М. Г.) существование даже таких палеантропологических химер, как «пильтдаунский человек»⁷. Советские ученые, базирующиеся на принципах марксистско-ленинской методологии, не дали себя увлечь фальсификаторскими махинациями и поднятой вокруг «эоантропа» псевдонаучной шумихой, обманувшей почти всех буржуазных антропологов.

⁶ В. К. Никольский, *Произошел ли человек от обезьяны?* «Воинствующий атеист», 1931, № 1, стр. 115.

⁷ См. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XVI, М., 1951, стр. 31.